

ПРИМАТ ПАПЫ РИМСКОГО КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ДЕГРАДАЦИИ ЗАПАДНОГО ХРИСТИАНСТВА В БОГОСЛОВИИ ПРЕПОДОБНОГО ИУСТИНА ПОПОВИЧА

В настоящей статье с позиций православного вероучения рассматривается один из феноменов западного христианства — примат Папы Римского. Руководствуясь трудами одного из великих святых XX в. сербского богослова, преподобного Иустина (Поповича), в работе была предпринята попытка проследить судьбу западного христианства, а также указать причины его постепенной деградации.

В результате исследования трудов преподобного Иустина мы выяснили, что главной из этих причин наравне с искажением триадологии явилось горделивое превозношение и непомерные амбиции первостоятеля католицизма, с течением времени получившие статус одного из его догматов.

В богословии преподобного Иустина абсолютизация папской власти не только получила отрицательную оценку, но и побудила его говорить об эсхатологических перспективах, открываемых западным христианством.

Ключевые слова: преп. Иустин Попович, Православная Церковь, католицизм, протестантизм, антропоцентризм, гуманизм, западная цивилизация, эсхатология.

A. Lobochnikov

PRIMACY OF THE POPE AS A BASIC FACTOR OF DEGRADATION OF WESTERN CHRISTIANITY IN THE WORKS OF SAINT IUSTIN (POPOVICH)

In the present article from positions of the Orthodox Theological heritage one of phenomena of the western Christianity is considered, namely — the primacy of the Roman Pope. Being guided by works of one of great saints of the XX-th century — Serbian theologian and priestmonk Iustin (Popovich) we tried to track the ways of evolution of the western Christianity, and also to specify the reasons of its gradual degradation. According to the point of view of Saint Iustin one of the main reasons of this degradation was pride and unreasonable ambitions of the roman popes. Roman Catholicism eventually accepted the primacy of the Pope as one of the doctrines of the church. In the theological concept of Saint Iustin absolutization of the papal power not only has received a negative estimation, but also has induced him to speak about the eschatological prospects opened by the western Christianity.

Keywords: Iustin Popovich, Orthodox Church, Roman Catholicism, Protestant Christianity, anthropocentrism, humanism, the western civilization, eschatology.

1. Тело смерти и тело Христово

В самом общем определении, которым преподобный Иустин оценивает человечество, мы видим разделение его на две части. Одну часть человечества сербский святой мыслит неким единым онтологическим организмом и называет его телом смерти. «В процессе человеческой деятельности из

всецелого человеческого рода сложилось одно тело: тело смерти» [4, с. 178–179]. Другой частью человечества, по мнению святого отца, являются члены богочеловеческого организма, именуемого Телом Христовым или Церковью. До пришествия в мир Богочеловека Христа и устройства им Церкви тело смерти заключало в себе все

человечество, когда-либо жившее на Земле. Фундаментальным основанием его существования был и продолжает оставаться принцип антропоцентризма, согласно которому мерой и критерием всего является человек. Внешне, казалось бы, безобидный принцип антропоцентризма чреват весьма серьезными последствиями. Не затрагивая богообразного, преображенного состояния человека, антропоцентризм рассматривает его в «психофизической данности и историчности» [4, с. 182], т. е. человека в состоянии развращения и глубочайшего падения, человека, в естестве которого царит грех и преобладает всевозможное зло. Проникновение в суть антропоцентризма позволяет преподобному Иустину изменить изначальную его формулировку, а именно: вместо человека всеопределяющим началом антропоцентризма назвать грех и его первопричину — диавола. «Очевидно, что в человеке действенными силами являются грех и зло, участвующие во всецелой его жизни... Поэтому принцип “человек есть мера всего” должен значить, что грех есть мера всего, зло есть мера всего. А опосредовано это означает, что диавол есть мера всего» [2, с. 69]. И поскольку под грехом святой отец понимает не только целенаправленное сопротивление Богу, не только наглое и откровенное нарушение его заповедей, но и все то, что «не от Христа, не от Его Евангелия, против Церкви» [3, с. 88], то очень многое из того, что по отношению к добродетели могло быть рассмотрено нейтральным или даже положительным, также вносится в черный перечень богоборчества.

Таким образом, преподобный отец показывает, что любой антропоцентризм в силу своего уклонения от Божественного примата или совершенного его исключения, обязательно окончится диаволоцентризмом, рано или поздно перерастет в него. И если без Богочеловека человек рискует уподобиться диаволу, то во Христе он

может уподобиться Богу, стать богом по благодати.

Со времени появления Церкви Христовой, после того как «Богочеловек Христос, победив смерть Воскресением, разрушил тело смерти как онтологическую реальность, избавил человеческий род от смерти и даровал ему вечную жизнь, вечную истину, вечную любовь, вечную правду, вечную радость и вообще все вечные Божественные блага, которыми может наделить только Бог любви и человеколюбия» [4, с. 179], человек получил свободу — свободу от греха, смерти и диавола. Отныне человек получил возможность добровольно идти или путем жизни, или путем смерти, следовать ветхой философии языческого мира, или же заменить ее божественной философией, согласно которой мерой всего становится не грешный и смертный человек, а Богочеловек Господь Иисус Христос. Исповедание феоантропоцентризма становится не просто мировоззрением, идеологической позицией Церкви, но еще и констатацией самого реального в мире факта, живым и опытным свидетельством о жизни во Христе, о том, «что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам...» (1 Ин 1:1–2).

Противопоставляя феоантропоцентризм антропоцентризму, преподобный Иустин подчеркивает, что первый ни в коем случае не ущемляет достоинства человеческой природы. В Богочеловеческом устройении бытия человеку отводится законное и весьма важное место — место сына и соратника Божия. Лишь в богоустановленной иерархии ценностей человек, осуществляя божественный о себе замысел, может обрести самого себя и в полноте реализовать свою природу. Подобная гармония в соотношении Божественного и человеческого

стала возможной благодаря Богочеловеку Христу. «Являясь высшей ценностью, Богочеловек является и лучшим критерием всего Божиего и всего человеческого и в этом мире, и в том. История этой планеты не знает ни лучшего Бога, чем Христос, ни лучшего человека, чем Христос. Богочеловек в одно и то же время совершенно открыл Бога и совершенно открыл человека. Поэтому нет ни Бога без Богочеловека, ни человека нет без Богочеловека» [5, с. 71].

Однако, несмотря на освобождение Христом человечества, далеко не все употребляли божественный дар свободы во благо. По свидетельству апостола и евангелиста Иоанна Богослова, даже и после подвига Христа мир «лежит во зле» (1 Ин 5: 19). Отвержение Христа и возвращение к единству в теле смерти продолжается и сегодня.

2. Догмат о примате и непогрешимости Папы и его антропоцентрические истоки

Объединяя все когда-либо существовавшие богоборческие тенденции в единое целое, преподобный Иустин выделяет среди них три главных деяния и все три расценивает как судьбоносные и роковые грехопадения человечества. В один ряд с грехопадением Адама и Иуды святой отец ставит и совокупные злодеяния папизма. «История человеческого рода знает три главных грехопадения: Адамово, Иудино и грехопадение папизма» [4, с. 185]. Во всех трех глобальных беззакониях святой отец видит общий духовный знаменатель, основанием которого, бесспорно, является гордыня, выраженная стремлением к абсолютной власти и полной независимости — не только от людей, но и от Бога. «Сущность грехопадения всегда одна: желание собственными силами достигнуть блага, совершенства, стать Богом. Хотя тем самым человек, не осознавая того, уравнивает себя с дьяволом. Ведь и тот хотел, опираясь лишь

на самого себя, сделаться Богом и заменить собою Бога... В этом гордом самопрельщении и состоит суть греха, греха изначального. В этом же и сущность самого дьявола, сатаны» [4, с. 185].

Новый Израиль, немалую часть которого составляла и Римская церковь, призван Господом хранить и приумножать бесценный талант истинной веры, быть светом и солью земли для всех нехристианских народов. Изменив своему высокому призванию, западная церковь все больше стала отступать от пути, указанного Христом, и вместо свидетельства веры попыталась установить господство в жизни народа и контроль над государством, она стала добиваться власти верховного судьи и в сфере межгосударственных отношений. Во главе тоталитарной системы, в которую превратилась западная церковь, встал ее клир. Католическая иерархия не просто занялась не присущей ей деятельностью, не просто превысила свои полномочия, в чем было бы меньше греха, — она решилась еще и на вероуचितное обоснование своих преступных деяний.

Разбирая феномен папского примата, очень важно отметить, что гипертрофированное величие римского первосвященника явилось не сразу, но развивалось и усиливалось на протяжении ряда столетий. «На европейском Западе христианство постепенно превращалось в гуманизм. Долго и упорно Богочеловек в сознании западного христианства умался, переиначивался, сужался и, наконец, был сведен к человеку...» [4, с. 152]. Уже с самого начала превышения законной и богоустановленной меры власти римским первоиерархом, в феномене папства прослеживается вышеописанный принцип антропоцентризма. В самых ранних попытках противопоставления соборности Церкви папской власти в западном христианстве начинают проявляться антропоцентрические, антихристианские тенденции.

Легализации абсолютной первосвященнической власти римского папы послужила сама идея Христова наместничества на земле. Абсурдность концепции наместничества состоит в фактическом исключении присутствия Христа из воинствующей Церкви, которая в силу этого обстоятельства якобы нуждается в его представителе на земле. «Какая трагичная нелогичность, — восклицает преподобный Иустин, — поставлять заместителя вездесущему Богу и Господу!» [4, с. 154]. После того как Христос, образно выражаясь, был «оттеснен на небо, а на Его освободившееся на земле место поставлен Его наместник, заместитель, Vicarius Christi — папа» [4, с. 154], римо-католическая церковь, по мнению святого Иустина, реанимировала древнее языческое человекопоклонничество, с тем лишь отличием, что теперь оно облеклось в форму христианского благочестия. Однако, несмотря на видимое, проявляемое лишь во второстепенных вопросах веры единение с древней кафедрой Рима, результаты гуманистической подмены христианства на Западе принципиально отличались от его изначальных — животворных и богоданных церковных основ. Вот как описывает этот процесс преподобный Иустин Попович: «Церковь превращена в государство, папа стал правителем, епископы провозглашены князьями, священники стали лидерами клерикальных партий, верующим определено место папских подданных, на место Евангелия возведен ватиканский сборник "канонического права", евангельский путь любви и смирения заменен казуистикой, иезуитством и "святой" инквизицией» [4, с. 154].

Не задерживаясь долго на промежуточных этапах становления и утверждения папства и избегая подробного изложения особенностей клирикальных и политических хитросплетений, связанных с этим явлением, преподобный Иустин обращается преимущественно к его кульминации — к

возведению учения о непогрешимости Папы в догмат церкви, а также к его последствиям. С высоты этого эпохального события, к которому пришла римо-католическая церковь на Первом Ватиканском соборе, состоявшемся еще в 1870 г., преподобный отец оценивает всю историю рокового западного грехопадения.

Итак, введение римо-католической церковью в учение веры этого положения явилось апофеозом все возраставшего мнимого превосходства римского первосвященника над полнотой Вселенской Церкви.

И хотя появление этого «догмата» стало логическим и в некотором смысле неизбежным продолжением все возрастающих властных папских appetitов, сам факт его возникновения расценивается преподобным отцом как беспрецедентная в истории христианства катастрофа. В официальном признании католической церковью status quo папского абсолютизма, а именно учения о непогрешимости, понтифик не только предстает носителем одного из церковных свойств, но и занимает место самого Христа в Церкви.

«Непогрешимость — это естественное Богочеловеческое свойство и естественная Богочеловеческая функция Церкви как Богочеловеческого Тела Христа, вечная Глава которого — Истина = Всеистина: Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, Богочеловек, Господь Иисус Христос. Между тем папа в силу своей "непогрешимости" провозглашен, по существу, Церковью; и он — человек — занял место Богочеловека» [4, с. 191]. Настоящая ужасающая подмена Христа обожествляемым человеком на папском престоле заставляет преподобного Иустина назвать папство опаснейшей из ересей. «Ведь ни одна ересь так решительно и сплоченно не восставала против Богочеловека и Его Церкви, как это сделал папизм через догмат о "непогрешимости" папы-человека. Несомненно, это ересь всех ересей. Это ужас всех ужасов... Это новое

распятие Господа Иисуса Христа, только не на деревянном кресте, а на золотом кресте папского гуманизма» [4, с. 191–192].

Трагедия западного христианства состоит не только в возрождении языческого принципа самого по себе, но прежде всего в том, что он стал главенствующим, в том, что он подменил собой богочеловеческую, христианскую иерархию ценностей на Западе и в конце концов привел Запад к прямому или косвенному отвержению самого Христа.

Став со временем главенствующим, догмат о непогрешимости Папы Римского опередил по своей значимости даже такую доминанту католической веры, как *filioque*. И если в исповедании последней и появилась некая вариативность, то первый остается абсолютно неизменным и неизменяемым. Непреклонность в отстаивании Римом этого центрального догмата, сохраняясь в течение всего XX в., подтвердилась и укрепилась на Втором Ватиканском соборе. И даже пресловутое решение о расширении епископских полномочий, принятое на нем, не смогло поменять вековых, фундаментальных антропоцентрических принципов папства: через усиление епископской власти возросла власть и самого Папы.

3. Западная цивилизация как порождение папизма

Вскрывая антропоцентрические истоки папизма, преподобный Иустин видит в них, прежде всего, то несоответствие Божественным заповедям и искажение церковных основ, которые впоследствии предопределили католический мир к неминуемому угасанию духовной жизни. Одновременно с ослаблением церковной традиции на Западе в антропоцентрических истоках папизма святой отец находит предпосылки к появлению протестантизма, а также таких явлений, как гуманизм, релятивизм, атеизм, анархизм, нигилизм и даже неоязычество.

Рассмотрение конкретных последствий антропоцентрических начал папства, указанных преподобным Иустином, заслуживает особого внимания. И первым среди них следует назвать протестантизм.

В возникновении протестантизма преподобный Иустин видит не столько антикатолическую реакцию, сколько закономерное продолжение и распространение антропоцентрического принципа папства. Проникая в глубины западного христианства, в самом основании его, на первый взгляд, взаимоисключающих направлений, которыми принято считать католицизм и протестантизм, преподобный отец находит единое антропоцентрическое начало. «И в папизме, и в протестантизме на место Богочеловека поставлен человек — и как высшая ценность, и как высший критерий» [4, с. 152]. Не оправдывая вероучительных и нравственных извращений протестантизма, святой отец в то же время отсылает нас к источнику деградации христианства на Западе — легализованному папскому антропоцентризму — и в некотором смысле считает его более пагубным и вредоносным. «Не следует обольщаться: папизм — это и есть самый радикальный протестантизм, ибо основание христианства он перенес с вечного Богочеловека на тленного человека... А протестанты лишь ухватились за существо этого догмата и развили его до ужасающих размеров и деталей. По сути дела, протестантизм есть не что иное, как папизм, нашедший свое всеобщее применение. Ведь в протестантизме фундаментальный принцип папизма проводится в жизнь каждым отдельным человеком. По примеру "непогрешимого" человека в Риме каждый протестант — новый "непогрешимый" человек, ибо каждый претендует на личную безошибочность в вопросах веры» [4, с. 153].

Следующим, обусловленным антропоцентрическим фактором папизма этапом деградации христианства на Западе, по

преподобному Иустину, является повсеместно распространившийся гуманизм. «После того как христианство со всеми его бесконечными Богочеловеческими истинами было низведено к человеку, свершилось то, что западное христианство превратилось в гуманизм» [4, с. 153–154]. Отказываясь от Христа, гуманизм, вопреки провозглашаемому человеколюбию, в действительности не приносит человечеству никакого блага. Отказ от Богочеловека Христа имеет своим последствием и отказ от человека, и даже больше — его истребление. «Кто не за Богочеловека, тот тем самым против человека; и еще: тот в силу этого — убийца человека, а равно и самоубийца» [4, с. 188]. Главное отличие гуманизма от католицизма и протестантизма преподобный Иустин видит в том, что он существенно расширил сферу обожествляемых объектов, введя в нее множество новых идолов. Гуманистический человек «вместо единого истинного Бога и Господа провозгласил смыслом, целью, божеством, идолом своей жизни золото, или природу, или науку, или культуру, или технику, или жену, или детей, или общество, или народ, или человечество, или наслаждения, или страсти, или идеи, или героев, или гения, или вождя, или кого-либо, или что-либо, все равно» [2, с. 182]. И если в гуманизме еще различимы следы христианства, то только лишь на уровне одной из многих культур. О живом, непосредственном общении гуманистического человека с Божественной Личностью говорить не приходится.

Дав возрасти разнообразному релятивизму, гуманизм тем самым способствовал не только отвержению богооткровенных законов бытия, но и подверг сомнению необходимость следования естественным, так называемым общечеловеческим традициям и нормам. Среди проявлений пренебрежения ими святой Иустин особенно останавливается на атеизме,

анархизме и как следствие нигилизме. «В силу своего сведения к гуманизму, христианство, конечно, упрощено, вульгаризировано и в то же время — погублено» [4, с. 155], потому что, отрекшись от Богочеловека, «всякий гуманизм постепенно вырождается в нигилизм, пока не сольется с ним бесповоротно» [4, с. 190].

К видимым, практическим проявлениям анархизма и нигилизма, которыми, по мнению святого, являются две мировые войны, следует присовокупить и наступление мирового экономического кризиса современности, который стал еще одним убедительным подтверждением пророческого видения святым все ускоряющегося распада Запада.

4. Эсхатологические перспективы западного христианства

Следуя классификации святого отца, явления, подобные анархии и нигилизму, можно отнести уже к новому, а для европейской культуры в чем-то окончательному, этапу деградации западной цивилизации. По мнению преподобного Иустина, «и первая, и второй знаменуют собой неминуемую, заключительную, апокалиптическую фазу в европейском прогрессе» [4, с. 121].

Догматизированное язычество принесло свои плоды. Запад преисполнен идолопоклонством, но идолопоклонством изощренным и тонким. Как и древнее язычество, оно не терпит присутствия истинного Бога и борется с его последователями, но борьба становится все более коварной. Нет сейчас тех пыток и гонений, которые учиняли языческие мучители в первые века христианства: от обольстительных предложений земной славы, богатства и удовольствий они довольно скоро переходили к ужаснейшим казням. Современное язычество избрало другой способ борьбы. Подобно древним палачам, оно предлагает нынешнему обществу те же соблазны, но

не спешит обращаться к гонениям, ведь каждое новое гонение дает Церкви новые плоды исповедничества и святости. Вместо гонений, которые отнимали у человека тело, современное язычество борется с ним посредством постепенного и незаметного насаждения страстей, в результате чего при благополучии временной жизни навеки гибнет душа. Пытаясь противостоять все более усиливающейся и сегодня уже откровенной демонизации общества на Западе, католическая церковь не в состоянии предотвратить ее натиск и экспансию именно в силу той глубинной общности, которую преподобный Иустин обнаруживает между антропоцентрическими корнями католицизма и современными неоязыческими тенденциями. Имея в своем основании гордыню, выраженную в виде папского примата и непогрешимости, вольно или невольно католицизм является проводником рас-

пространения разностороннего эгоизма, а вместе с ним и всевозможных грехов и страстей. И это не случайно, ведь в основании всех человеческих пороков лежит именно гордыня.

Итак, двуединый догмат примата и непогрешимости Папы Римского возымел «...эпохальное значение для всей судьбы Европы, а в первую очередь — для ее апокалипсиса, в который она уже вступила» [3, с. 183]. Духовная инфантильность современного, прежде всего западного, человека, о которой говорит преподобный Иустин Попович, — лишь малое, кратковременное звено в цепи стремительного эсхатологического шествия западного мира. Финал некогда христианской культуры стал одновременно началом иного бытия. Обозначенное святым отцом как неоязычество, оно, в свою очередь, явилось законным продолжением единого вектора разложения западного христианства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское библейское общество, 2001.
2. *Иустин (Попович), прп.* Догматика Православной Церкви: Экклесиология. — М.: Изд. Издательского Совета Русской Православной Церкви, 2005.
3. *Иустин (Попович), прп.* Догматика Православной Церкви: Эсхатология. — М.: Изд. Издательского Совета Русской Православной Церкви, 2005.
4. *Иустин (Попович), прп.* Православная Церковь и экуменизм / Пер. С. Фонова. — М.: Паломник, 2006.
5. *Иустин (Попович), прп.* Философские пропасти. — М.: Изд. Издательского Совета Русской Православной Церкви, 2004.

REFERENCES

1. Biblija. Knigi Svjawnenogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. — M.: Rossijskoe biblejskoe obwestvo, 2001.
2. *Iustin (Popovich), prp.* Dogmatika Pravoslavnoj Cerkvi: JEkklesiologija. — M.: Izd. Izdatel'skogo Soveta Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2005.
3. *Iustin (Popovich), prp.* Dogmatika Pravoslavnoj Cerkvi: JEschatologija. — M.: Izd. Izdatel'skogo Soveta Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2005.
4. *Iustin (Popovich), prp.* Pravoslavnaja Cerkov' i jekumenizm/ per. S. Fonova. — M.: Palomnik, 2006.
5. *Iustin (Popovich), prp.* Filosofskie propasti. — M.: Izd. Izdatel'skogo Soveta Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2004.